

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №10 11/10/2012– www.affiche.info

Чехов на спринтерской дистанции.

Екатерина Богопольская

Кристиан Бенедетти, художественный руководитель театра Studio в парижском пригороде Alfortville, задумал поставить все пьесы Чехова, и потом играть вместе, блоком, по одной в день. Начал он с «Чайки» (2011), весной 2012 поставил «Дядю Ваню». Спектакль, поддержанный критикой как в своем роде новация, возобновили в начале сезоне в парижском театре Athénée Louis Jouvet.

Что касается новации, то она, в самом деле, есть – чеховская пьеса без купюр укладывается в 1 час 15 минут (обычная продолжительность «Дяди Вани» два с половиной – три часа). Можно сказать, это Чехов на спринтерской дистанции, говорят так быстро, что часто едва успеваешь уловить, о чем речь. Понятно, никаких усадеб, полутонов, подтекста, и других изысков старой барской жизни не предусмотрено: действие решительно и бесповоротно перенесено в XXI век, в среду вечно спешащих, задавленных каждодневным стрессом наших современников. Чеховский текст проговаривается скороговоркой. Паузы выдерживаются иногда между репликами, никогда внутри. Спектакль идет без перемены декораций, просто актеры по ходу действия передвигают мебель и аксессуары. Декораций почти никаких – внутри обшарпанной коробки сцены обычный стол и стулья из дешевого магазина. И все это, возможно помимо воли создателей спектакля, смотрится контрапунктом к позолоченным ложам с лепниной, хрустальным люстрам и прочему великолепию старинного театра Athénée, одного из самых красивых парижских театров XIX века.

Photo Théâtre Studio

Астров – Кристиан Бенедетти и няня - Изабель Садойан

Фотография сделана в театре Studio (Alfortville)

Даниэлем Веронезе уже был проделан опыт по переименованию и сокращению пьесы Чехова, но в той аргентинской фантазии на тему «Дяди Вани» привносился новый смысл, это было, что ни говори, яркое театральное высказывание.

Здесь привносится только brutality и какая-то мелочность что ли и жизни, и людей. Кажется, весь спектакль строится на реплике Астрова дяде Ване, на которую обычно не обращают внимания, относя к интеллигентской рефлексии: «Мы стали такими же пошляками, как все».

Сам Бенедетти - Астров, безусловно, ярче всех остальных исполнителей, но и он играет на одной краске, и яростно изображает забубенного мужика, пьяницу, неврастеника и бабника. В ночной сцене Бенедетти в расстёгнутой куртке на голое тело натужно выдает хриплое пение «под Высоцкого», и так напивается, что замертво падает со стула. Не то здесь плохо, что Астров у Бенедетти груб и прост, а то, что за этим нет никакого второго дна, ни страсти, ни таланта. Все то, что делало Астрова таким непохожим на других, все ушло – так, карту уезда он показывает Елене Андреевне быстро-быстро, не вкладывая в свои слова никакого смысла, очевидно, для него это только предлог, чтобы остаться с ней наедине. Главное – схватить ее в охапку, что Астров и делает, и довольно грубо, как и положено пошловатому цинику. Но дядя Ваня здесь не лучше, лысоватый стертый Пьер Бандере – фигура незначительная, сильно напоминает какого-нибудь советских времен ветерана, оставшегося доживать жизнь в коммуналке. Божество, вдохновение, вообще все поэтическое ему противопоказано. Цветы Елене, те самые грустные осенние розы, приносит в оберточной бумаге, причем самих цветов и не видно в свертке – так приносят колбасу. Дядя Ваня после предложения Серебрякова о дачах в Финляндии, по-простому вдаривает профессору в нос, течет кровь, в последней сцене тот появляется с пластырем. Серебряков от пистолета прячется в зрительном зале – порой кажется, играют водевиль, но не слишком смешной. Вообще же, Серебряков Филиппа Крюбези брюзга и вполне водевильный старикашка.

Программке предшествует текст, своего рода манифест Бенедетти, в котором он заявляет примерно следующее: «Никакой психологии, пафоса, персонажей. Характеры и ментальные структуры, сталкивающиеся внутри общей глобальной структуры». Смелый структуралистский подход. Почему бы и нет? Только никакой абстрактной игры структур как раз незаметно. Все весьма академично, никаких прорывов в новую театральность. Актеры смотрятся, как дежурные фигуры, проговаривают текст в проброс, не более. Все немного грубы, немного пошлы. Даже Елена Андреевна говорит мужу «Fermé-la», в дословном переводе – «Заткнись». (У Чехова: «Замолчи»). Грубость от безнадежности жизни или наоборот, жизнь их так безнадежна, потому что груба?

Единственная режиссерская находка Бенедетти - в финале, после слов «надо жить» Соня достает из кармана скомканную бумажку и по ней читает весь финальный монолог про жизнь светлую и небо в алмазах, как если бы это была переписанная цитата из какого-то классического текста, или поэмы. В самом деле, героям Бенедетти сложно было бы произносить этот чеховский текст от первого лица. Возможно, спектакль о том, что придуманных Чеховым красивых людей на самом деле уже нет и быть не может. Идея о том, что высокая культура, которой принадлежали герои Чехова, умерла, имеет право на существование, но рассказано все это как то неярко, банально.

